

Глава 1288: Хорасан в опасности!

Лицо Ли Цзюньсяня было холодным, а голос - оглушительным. Эта новость застала его врасплох - осада Хорасана произошла слишком внезапно. Но, если бы Великий Тан послал солдат сейчас, все, чего он так усердно добивался, пошло бы прахом.

-... Кроме того, отношения между Аравией и Хорасаном сложны. Хорасан ранее был территорией Аравии и управлялся ею в течение тридцати лет. Ваш непритязательный субъект советует сначала проконсультроваться с Аравией и заявить о точке зрения Великого Тана, что они должны сделать все возможное для мирного решения этого вопроса.

- Ваше Высочество, этот предмет согласен!

Крупный чиновник вышел вперед, и его глаза холодно повернулись к Ван Чуну.

- Король Иностранных Земель, битвы за Талас и Хорасан только что завершились. Вам не хватает погибших солдат Тана? Тогда это было ради защиты Западных Регионов, но теперь, во время этой войны между Аравией и династией Сасанидов, должны ли храбрые воины нашего Великого Тана проливать свою кровь? Король Иностранных Земель, мне кажется, что вы слишком сильно поддались чувствам!

- Вы слышали крики людей! Любой, кто посмеет развернуть солдат в это время, оскорбит мир! Король Иностранных Земель, мы пришли к миру только через большие трудности. Пожалуйста, помните, что вы Король Великой династии Тан, а не династии Сасанидов!

Один гражданский чиновник за другим шагал вперед, голоса оппозиции становились все громче и громче. Даже без нынешнего конфликта между гражданскими и военными группировками они никогда бы не допустили, чтобы это предложение было принято. Это была война между Аравией и династией Сасанидов, и все же Великий Тан должен был послать солдат? Абсурд!

Ван Чун ничего не сказал, только повернулся к генералам во дворце Тайхэ. Но на этот раз даже генералы ушли. В любое другое время они бы не колебались ни в малейшей степени, но теперь... они слышали антивоенные протесты в столице, звучащие в их ушах. За воротами Императорского города бесчисленные люди шли в знак протеста против новых войн. Даже у этих генералов не хватило смелости вовлечь Великий Тан в бесполезную войну между династией Сасанидов и Аравией.

Вид этих генералов, избегающих его взгляда, заставил сердце Ван Чуна застыть во внезапном озарении. То, о чем он больше всего беспокоился, произошло: люди были против войны. Конфуцианская школа преуспела, и даже генералы при дворе были под их влиянием.

- Ваше Высочество, если губы срезать, то зубы станут мерзнуть. Если нет кожи, где будет

прикрепляться мех? Хорасан - плотина Великого Тана, перекрывающая паводковые воды. Если плотина упадет, и паводковые воды обрушатся, Великий Тан не сможет выжить сам по себе.... - с болью сказал Ван Чун. Но прежде чем он успел закончить говорить, Первый Принц прервал его.

- Король Иностранных Земель! Как вы сами сказали, военные - это жизненно важный вопрос государства, который необходимо тщательно рассмотреть. Давайте закончим на сегодня. Как только я сообщу об этом Императорскому Отцу, я приму решение!

С этими словами Ван Чун был вынужден проглотить свою речь.

- Господа, заседание закрыто!

- С уважением к Вашему Высочеству!

При виде отчужденного Первого Принца, вставшего с трона, разум Ван Чуна пришел в неистовство. Ему казалось, что он случайно ступил на воздух и теперь погружается в бесконечную пропасть.

В ошеломленном изумлении Ван Чун даже не понял, как он покинул дворец Тайхэ и Императорский Дворец.

Они воспитывают тигра! Это воспитание тигра, чтобы пригласить в будущем бедствие!

Неужели никто не понимает, что когда Хорасан падет, следующей целью для Аравии будет Великий Тан?

Хорасан всегда был источником мощных солдат. Если арабы вновь займут его, тогда, если им будет уделено достаточно времени, те Хорасани, которые сопротивлялись арабам, будут использованы против Великого Тана. Аравия будет как тигр с крыльями!

Бесчисленные мысли пролетели в голове Ван Чуна, и он почувствовал, как что-то наполнило его грудь, оставив его в мучительном страдании. Даже на юго-западе, когда он столкнулся с сотнями тысяч солдат и имел мало шансов на победу, он не чувствовал себя настолько опечаленным. Но уклончивые глаза генералов при дворе...

Процветание и мир заставили бы людей жаждать прочного мира, но когда умы людей успели прийти в такое состояние?

Румбл!

Карета ехала вперед. Наконец, Ван Чун услышал знакомый голос над ухом.

- Ваше Высочество, Императорский Двор не принял это предложение, верно? - прозвучал извне

осторожный и беспокойный голос Су Шисюаня,

Шипение!

Ван Чун прислонился к карете и закрыл глаза. Глубоко вздохнув, он наконец пришел в себя.

- Императорский Двор никогда бы не смог его принять! - ответил наконец Ван Чун.

- Ах!

Су Шисюань задрожал, его лицо побледнело. Хотя его лорд казался непривычным, когда выходил из дворца, Су Шисюань не ожидал, что Императорский Двор тут же отклонит предложение отправить солдат в Хорасан. Если это случится, тогда Бахрам и Принцесса Адия... - Су Шисюань почувствовал, как у него забилося сердце.

В карете было тихо.

Ван Чун ничего не сказал, выражение его лица было обеспокоено. Хотя Первый Принц сказал, что он примет решение после того, как сообщит об этом Императору Мудрецу, Ван Чун, как никто другой, понимал, что эти слова означают, что Великий Тан никогда не отправит подкрепление в Хорасан. И без помощи Великого Тана Хорасан никогда не сможет противостоять бесконечным атакам со стороны Аравии.

Ван Чуну казалось, что он сгорает от беспокойства.

Через некоторое время Ван Чун открыл глаза и строго сказал:

- Шисюань, у нас больше нет времени. Приготовь кисть и бумагу и напиши несколько писем.

- Этот подчиненный выполнит приказ!

Су Шисюань поклонился. Дело Хорасана имело огромное значение. Следуя приказу Ван Чуна, они унесли с собой кисть и бумагу перед тем, как уйти, чтобы Ван Чун мог издать приказы в любое время.

- Напишите первое письмо генеральному защитнику Анси Гао Сяньчжи. Пусть он переведет сорок процентов своей армии, отправив их вместе с Чэн Цяньли, Лу Шийи, Си Юаньцином, Армией Железной Стены и подразделением Сабли Мо на учения. Пусть они направятся в Самарканд под предлогом патрулирования границы. Затем пусть едут ночью, чтобы усилить Хорасан. Я заставлю лорда Чжанчу из Бюро Военного Персонала разрешить им использовать три тысячи баллист. - строго сказал Ван Чун.

- Да, Милорд!

Коляска явно начала тормозить, и Ван Чун услышал тихие звуки кисти. Су Шисюань начал писать.

- Второе письмо отправьте Су Ханьшаню и Ли Сие.

Чем опаснее было время, тем холоднее и спокойнее становился голос Ван Чуна. Благодаря действиям Ван Чуна и Чжанчжоу Цзяньцюна в Императорском Дворе Су Ханьшань и Ли Сие были наконец освобождены. Более того, их участие в этом инциденте значительно улучшило их статус в армии, и даже три конфуцианских командира действовали теперь с гораздо большей сдержанностью.

- Скажите им, чтобы они забрали всю кавалерию Ушана и немедленно направились в Хорасан. Кроме того, попросите их убрать все военные знаки Кавалерии Ушана, чтобы они снова стали свободными людьми.

- Ах?!

Кисть Су Шисюаня остановилась, а его лицо застыло в шоке. Но он быстро понял и снова опустил голову.

- Да, Ваше Высочество!

Кавалерия Ушан была самой уникальной из всех солдат под командованием Ван Чуна. Их боевая мощь намного превосходила силу любой другой группы солдат, и даже мамлюки не могли сравниться с ними. Но даже несмотря на то, что Ван Чун собрал их вместе с армией протектората Цыси в своих походах в Талас и Хорасан, кавалерия Ушана не была частью армии протектората Цыси.

Когда война закончилась, были некоторые попытки официально привести их в регулярную армию, но кавалерия Ушана была многочисленной и не принадлежала ни к какой армии протектората, поэтому вопрос оставался незавершенным даже сейчас. Эта сила была теперь одним из самых сильных подкреплений Хорасана.

Карета ехала все медленнее и медленнее, теперь продвигаясь чуть быстрее, чем при ходьбе. Кисть непрерывно летала, и Су Шисюань быстро закончил писать первое и второе письмо.

- Что касается третьего письма, помогите мне уведомить Короля Гангке в Западных Регионах! Пусть он использует мое имя для вербовки солдат в Западных Регионах. Скажите вождям различных племен, что наше соглашение будет таким же, как в прошлый раз. Они будут достаточно вознаграждены мною!

Когда Ван Чун отдавал один приказ за другим, выражение его лица становилось все более спокойным. Су Шисюань продолжал быстро писать.

- Последнее письмо напишите халифу Аравии Мутасиму III.... - сказал Ван Чун.

Су Шисюань застыл с ошеломленным выражением лица. Он мог понять написание писем Гао Сяньчжи и Су Ханьшаню и даже стирание военных знаков на Кавалерии Ушана, но Су Шисюань никак не предполагал, что Ван Чун заставит его написать последнее письмо халифу Аравии. Пытался ли он убедить халифа вывести свои войска?

Ван Чун понятия не имел, о чем думал Су Шисюань, его голова была погуржена в глубокие мысли.

- Скажи Мутасиму III немедленно вывести свою армию. Скажи ему, что вежливость возвращается вежливостью, и что, если он откажется отозвать своих солдат, в будущем я лично возглавлю армию, чтобы захватить Багдад. Кроме того, скажи ему, что если Хорасан падет и арабы расправятся с населением, я нанесу такую же резню арабам!

Голос Ван Чуна был ледяным, когда он это говорил.

Су Шисюань был ошеломлен, а потом вдруг понял. Учитывая огромные расстояния между Великим Таном и Аравией и отказ Императорского Двора принять решение, они должны были рассмотреть не то, как спасти Хорасан, а месть арабам после падения города.

Великий Тан работал с катафрактами Асваран, чтобы убить почти миллион арабских солдат. Арабы, несомненно, глубоко хотели отомстить, и, учитывая их обычный стиль, был шанс на девяносто процентов, что они убьют жителей города после его падения. Последние слова Ван Чуна должны были четко помешать этому.

Учитывая жесткую природу арабов, было естественно невозможно запугать их одним письмом. Но, если письмо было от Ван Чуна, то все было иначе. Ван Чун убил почти миллион арабских солдат, а это значит, что он мог убить еще больше, даже вырезать целый город.

Это письмо было не просто попыткой запугать или напугать, но подлинной угрозой.

У Ван Чуна была определенная способность реализовать свои слова!

После этих слов Ван Чун, очевидно, израсходовал все свои силы. Когда он прислонился к карете, на его лице появилось глубокое истощение. взмахи кисти продолжались в течение некоторого времени, и после того, как все письма были закончены, послышался взмах крыльев, и несколько орлов взлетело в небо.